

НАТАЛЬЯ ТИМОФЕЕВНА АЛЕКСЕЕВА
Вильнюсский педагогический университет

Из наблюдений над бытовой лексикой русских старообрядцев северо-восточной Литвы

Материалом для статьи послужили наблюдения и записи живой речи, сделанные автором в 1954–63 и 1965–67 гг. в деревне (в местном русском произношении) *Урвишки* Смолвенской волости Зарасайского района (лит. *Ūrviškė, Zarasų raj. Smalvos valsčius*; здесь и далее официальные литовские названия даны по [Lietuvos adm. ter. suskirstimas II, 1976]). В результате мелиоративных работ эта деревня в конце 70-ых годов исчезла с лица земли.

В д. Урвишки, расположенной в трех километрах от д. *Лупянка* (лит. *Lupėnka*) и в трех километрах от Смалвос, западнее шоссе (*большакá*) Зарасай–Лупянка–Смалвос–Дукштас, было три двора, принадлежавших старообрядческим семьям Петровых, Макеевых и Михеевых. Такой же по количеству населения деревня (застенок) была и в середине прошлого века [Корецкий 1963, 19]. Согласно данным А. Станкевича [1909], в начале двадцатого века в ней три человека владело от трех до пяти десятин земли, а четыре человека — свыше пяти десятин, что свидетельствует о зажиточности ее обитателей. Неподалеку от Урвишек были русские деревни-хутора (застенки) *Пурвинишки* (лит. *Purvinišké*) и *Пакальнишки* (лит. *Pakalniškiai*), также упоминаемые в указанных работах П.И. Корецкого и А. Станкевича, и *Самсоново* (лит. *Samsanavas*), в них не зарегистрированное. Все жители названных деревень были прихожанами *Рустэйкского* прихода Зарасайского района (с центром в дер. *Рустэйки*, лит. *Rūsteikiai*).

Усадьба, описываемая в данной статье, принадлежала Архипу Аняевичу Петрову, 1864 г. рожд., мастеру на все руки, собственноручно построившему себе и дом, и хлев, и баню. К 60-ым годам это был еще крепкий старик, говорящий только на “своем русском языке”. Со знакомыми нестарообрядцами он старался говорить (как свидетельствует его внучка Килина Куракина, в 1958–62 гг. работавшая библиотекарем Смолвенской волости и жившая в доме деда) “правильно по-русски”.

Старообрядцы Зарасайского района Литвы, как правило, жили в одноэтажных без *сальки* ‘мансарды’ бревенчатых, обтесанных с внутренней стороны домах, крытых соломой. Дом Петровых в дер. Урвишки был “на одну половину”, с *падмурóвкой* ‘подмуровкой, фундаментом’, которую к зиме обкладывали (для тепла) навозом, и крыльцом. Судя по данным А.А. Завариной [1986, 173], этот дом сохраняет ряд черт традиционного жилища зажиточных крестьян западно-русского типа. В таком доме через *крылёц* ‘крыльцо’ и большие *сэни* попадали в просторную жилую комнату, называемую *избóй*, с большой русской печью. Печь располагалась в углу, напротив двери, слева от входа и была обращена устьем к окнам боковой стены дома. Угол этой печи “подпирали” *ухв́аты*, *пъмялó* ‘помяло’, *гълики́* ‘голики, сухие веники без листьев’, *кюкá* ‘кочерга’. Функциональными частями печи всегда были: *ашóстък* ‘загнетка’, на который ставили кринки с *пръстаки́шый* ‘простоквашей’, чтобы молоко в тепле хорошо скисло; *пъдашóстък* ‘полка под шестком’ для котлов, горшков; *патпéчка* ‘место для дров’, в зимнее время в нем держали кур. В печи бывали выемки — *пъчурки* ‘углубления для сушки лучины и прочих мелких вещей’. На самой верхней части печи — *чалé* — складывали поленья дров для растопки. Всю часть печи от устья до потолка называли *каптурóм*. Имела печь и еще одну деталь — длинный деревянный припечек сбоку, на котором сидели, греясь; в описываемом доме он находился на высоте около 1,2 метра от пола и назывался *ляну́хой/ляну́шкый*. К нашей печи были достроены деревянные настилы — *палáти*.

Помимо печи, в современных избах, и в нашей в том числе, в отличие от традиционной избы, был *шчыт*, совмещенный с плитой.

Изба при помощи плиты — *щытá* была перегороджена и поделена на кухню и *пéред* ‘переднюю чистую часть’ с *бажни́цей* ‘божницей’ (в восточной части избы). В кухне около печи висела *рукамóйка* ‘жестяной умывальник’ с домотканым *рушникóм* ‘полотенцем’; под нею стояла большая деревянная *ушáтка* ‘ушат’. У стены стояла *лáвка*, над нею висел *пасудник* ‘деревянный шкафчик для столовой посуды’. В *переду́*, помимо *лáвак*, стояли стол, две *кóйки* ‘кровати’, висели часы с кукушкой и отрывной *чи́сленик* ‘календарь’.

В красном углу располагалась *бажни́ца*. Она бывала в несколько ярусов. На верхнем ярусе устанавливались старинные иконы, кресты; на нижнем — лежали *бажéственные кн́иги*, *пъдру́шники* ‘небольшие самодельные, из нескольких кусков сшитые коврики, на которые старообрядцы опирались руками при земных поклонах’, а также *лéстъвки* ‘лестовки, самодельные матерчатые четки’. Пол в избе

называли *масто́м*, он состоял из *мастни́ц* ‘деревянных половиц’ *Мост* устилался домоткаными *пльвника́ми*. У зажиточных крестьян в доме могли быть *ко́мната* ‘нежилое, редко отапливаемое помещение с крашеным полом’, обклеенное *шпале́рами* ‘обоями’, предназначенное для гостей. Это обстоятельство позволяет считать, что дом, описываемый нами, представляет собой уже не традиционное трехчастное жилище, описанное А.А. Завариной [1986, 171], а некую его модификацию, причем новшеством здесь является именно парадная половина для приема гостей.

К *комнате* примыкала кладовка, которую называли *каморьёй/каморкьёй*; в коморке была деревянная лестница, ведущая на чердак.

Сени в нашем доме, так же, как и вообще в русских избах, были холодными, неотапливаемыми и использовались для разных хозяйственных нужд: в частности, в них находились *залáвники* ‘лари’, в которых хранилось зерно, стояли ведра с холодной ключевой водой, обязательно закрытые крышками, складывалась всевозможная хозяйственная утварь.

Сбоку к дому могли быть пристроены хозяйственные постройки *пае́ти/пае́тки*, *пъдапае́тки*, в которых хранился различный крестьянский инструмент, дрова, а в теплое время года содержалась домашняя птица: *ку́ри* ‘куры’, *пята́ны* ‘петухи’, *индýки* ‘индюки’, *вúтки* ‘утки’ и т.д. В избе было четыре окна. Два окна нашего дома выходили на *палиса́д/палиса́дник*, огороженный деревянным штакетником — *азга́рбóдь*, на которой часто сушили выстиранное белье: *късва́ротки* ‘мужские рубашки’, *ста́нухи* ‘женские белые длинные рубахи’, *шубе́йки* ‘традиционные женские платья старообрядок, надеваемые поверх станух’, а также *анúчи* ‘портянки’, *шка́рпéтки* ‘носки’, *па́рткú* ‘штаны’, *наса́тки* ‘носовые платки’, *дья́нки* ‘руковицы’, *гу́ни/гу́ньки* ‘грубые верхние покрывала’, *рушники́* ‘полотенца’, *ската́рётки* ‘скатерти’ и т.д., или вымытую посуду: *га́ришки́*, *ката́лы*, *крина́ки*, *бля́хи/бляша́нки*, *падо́йники*, *цади́лки* и т.д. В *палиса́дники* на деревьях были развешены *шпака́рни* ‘скворечники’. На некоторых домах свивали гнезда *баца́яны́* ‘аисты’.

Дом мог быть обсажен плодовыми деревьями: *ви́шеньем* ‘вишней’, сливами, яблонями, грушами или ягодными кустарниками: *агра́стом/ягра́стом* ‘крыжовником’, *па́речками* ‘красной или белой смородиной’, *сма́рбóдь* ‘черной смородиной’. Иногда между *ягра́стом* и *па́речками* вырастала *стра́ка́ва/стра́ки́ва* ‘крапива’.

Кроме дома с палисадом, в крестьянском хозяйстве не могли обойтись без *ахлява́* ‘хлева’ для скота, *са́ра́я* для хранения сена, соломы; к сараю пристраивались *пъдапае́тки* ‘навесы для хранения дров’. В

большом сарае бывало *гувно́* ‘гумно’, на котором *привязя́м* ‘цепами’ молотили зерно. Сейчас трудно сказать, почему в описываемой усадьбе *гумно́м* называли собственно *ток* (= *токовня́* в других русских говорах Литвы [Материалы 1963]). Не исключено, что эта традиция сложилась потому, что в усадьбе не было специальной постройки для хранения снопов, т.е. гумна как постройки. Сбоку хлева пристраивался *нужни́к* ‘туалет’. Специального погреба не было, на зиму картофель закапывали в *скляты́* ‘глубокие ямы’. Двор был не крытый, так как он не примыкал к боковой (глухой) стене жилого дома. Однако сруб сарая с хлевом составлял одно целое. Среди надворных хозяйственных построек зажиточных крестьян встречались *клеты́*, *вазо́вни* ‘навесы для телег и сельскохозяйственных орудий’. У нас не было ни *клеты́*, ни *возовни*. Пространство, образовавшееся между *избой* и *сараем-ахлявом*, оставалось открытым и называлось *вулицей* ‘улицей’.

Из дома *стяго́й* ‘тропинкой’ можно было дойти до *агуве́нка* ‘участка земли перед домом, засеянного травой’. Если на *агуве́нке* росла *канюшы́на* ‘клевер’, то над нею могли летать *овсы́* ‘шершни’. Далее *стяга́* могла вести в *низину́* ‘низкое место’ или к *заво́ру* ‘оврагу’. У зажиточных крестьян в *низине* располагалась *ба́йня* ‘баня’ с *приба́йником* ‘предбанником’. Неподалеку от бани с одной стороны был выкопан *ключ* ‘колодец’, стены которого укреплялись деревянным *сру́бьм* ‘досками’ и была деревянная *кладка́*; с другой стороны бани размещалась *са́жэлка́* с кладкой — ‘специально выкопанная глубокая яма с водой для стирки и полоскания белья’.

За хлевом начинался огород, в котором росли традиционные крестьянские культуры: *бу́льба/зу́льба* ‘картофель’, *бураки́* ‘свекла’, *бато́вки* ‘сахарная свекла’, *барка́н* ‘морковь’, огурцы, капуста, *цыбу́ля* ‘лук’, *кали́ка* ‘брюква’; *клубни́цы* ‘клубника’ и т.д. Далее узенькой *сте́жскэ́й* ‘тропинкой’ можно было выйти на засеянные поля: *аржа́нище* ‘ржаное’, *зу́льбище* ‘картофельное’, *ався́нище* ‘овсяное’ и т.д., см. подробнее [Алексеева 1974]. Огород мог переходить в участок невспаханной, пустующей земли — *дирва́н*, на котором, как правило, пасся домашний скот: *барю́шки* ‘овцы’, а также коровы, *тяля́ты*, кони. Коров и коней привязывали *ланцу́га́м* ‘цепями’ с помощью *кала́*.

Большинство приведенных выше диалектных слов, отмечены также у старообрядцев Латвии и Эстонии, например: *байня́*, *большак*, *бурак*, *гуня́/гунька́*, *калика*, *крылец*, *ленуха/ленушка*, *ошэ́сток*, *печурка*, *пове́ть/поветка́*, *подрушник* и др. О примерах такого рода можно сказать, что это бытовая лексика старообрядцев Балтии, имеющая прямые связи с лексикой западнорусской диалектной зоны.

Сопоставление примеров, которыми мы располагаем, с данными по лексике старообрядческих говоров Йонавского района Литвы, приведенных в [Материалы 1963], показывает, что существенных отличий между ними не наблюдается.

Многие диалектизмы, приведенные нами, не известны старообрядцам Эстонии, например: *аграст/ягрост, батьян, сажалка, шпак*. Употребление слов *агрост, баркан, бульба, дирван, ланцуг, освы, цибуля, шкарпетки, шпак, шпалеры* старообрядцами Литвы и Латвии поддерживается, возможно, влиянием языков, с которыми контактируют русские говоры. Заимствованная лексика в говорах старообрядцев Зарасайского района довольно подробно рассмотрена в работе [Марченко 1970].

Следует отметить также, что целый ряд словообразовательных вариантов типа *зуня/зунька, бляха/бляшанка, камора/каморка, лянуха/лянушка, павёты/паветка, палисáд/палисáдник* (а также *стряки́ва/стряка́ва*) имеют одно и то же значение, т.е. суффиксы не вносят в производные слова нового значения, они десемантизированы. Нам представляется, что такая десемантизация суффиксов представляет собой характерную черту словообразования диалектной, ненормированной речи.

Наконец, приведенный лексический материал и другие данные, которыми мы располагаем, позволяет охарактеризовать основные фонетические особенности описываемого говора. Для него свойственны: сильное аканье (ср. *залáвники, баркáн, насáтки*) и сильное яканье (*стягá, ахлявá*); протетические гласные *а-, (й)и-* перед сочетаниями согласных с сонорными в начале слова (*вржанíще, ахлéв, ильнú, ильнíще, йилгáть*); рефлексы второго полногласия (*мълан 'йá 'молния', сталóп 'столб', вярéх 'верх'*); твердое [ч] псковского типа (например, *ч'ывó, ч'эрис*) [Чекмонас 1998]; щелевой [γ] в словах церковного происхождения (например, *бóга, б'γарóдица*); протетическое *в-* перед исконным начальным [у] (*вúтка, вúлица, вúмный*).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Н.Т., 1974: О некоторых словообразовательных моделях имен существительных в русских говорах Литвы, in *Диалектологический сборник: Материалы IV диалектологической конференции по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтике*. Вильнюс, 3–8.
- Заварина А.А., 1986: *Русское население восточной Латвии во второй половине 19 – начале 20 века: Историко-этнографический очерк*. Рига.
- Корецкий П.И., 1963: О раскольниках в Ковенской губернии, in *Памятная книжка Ковенской губернии на 1863 г.*, отдел II. Ковно, 1–45.

- Марченко Е.З., 1970: Заимствованные слова в русских старожильческих говорах Литвы (по материалам русского говора Зарасайского района Литовской ССР), in *Труды прибалтийской диалектологической конференции 1968 года*. Тарту, 155–173.
- Материалы 1963 = Немченко В.Н., Сяница А.И., Мурникова Т.Ф., *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Рига.
- Станкевич А., 1909: *Русские поселения Ковенской губернии*. Вильна. (Виленский временник, кн. IV.)
- Чекмонас В.Н., 1998: Артикуляционные особенности согласных /ц/ и /ч/ в говорах Псковской области, in *Язык. Изменчивость и постоянство: К 70-летию Л.Л. Касаткина*. Москва, 98–112.
- Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas, II dalis. Vilnius, 1976.